
По снегу сквозь темень пробежали
И от встречи нашей за версту,
Где огни неясные сияли,
За руку простились на мосту.

Шла за мной, не плача и не споря,
Под небом стояла как в избе.
Тёплую, тяжёлую от горя,
Золотую притянул к себе.

Одарить бы на прощанье – нечем.
И в последний раз блеснули и,
Развязавшись, поползли на плечи
Крашенные волосы твои.

Звезды Семиречья шли над нами,
Ты стояла долго, может быть,
Девушка со строгими бровями,
Навсегда готовая простить.

И смотрела долго, и следила
Папиросы наглый огонёк.
Не видал. Как только проводила,
Может быть, и повалилась с ног.

А в вагоне тряска, дорогая,
И шумят. И рядятся за жизнь.
И на полках, сонные, ругаясь,
Бабы, будто шубы, разлеглись.

Синий дым и рыжие овчины,
Крашенные горечью холсты,
И летят за окнами равнины,
Полустанки жизни и кусты.

Выдаст, выдаст этот дом шатучий!
Скоро ли рассвет? Заснул народ,
Только рядом долго и тягуче
Кто-то тихим голосом поёт.

Он поёт, чуть прикрывая веки,
О метелях, сбившихся с пути,
О друзьях, оставленных навеки,
Тех, которых больше не найти.

И ещё он тихо запекает,
Холод расставанья не тая,
О тебе, печальная, живая,
Полная разлук и встреч земля!

Я снова с портфелем штурмую вокзал.
В вагоне – лишь мгла беспробудная.
Напевно сосед-алкоголик сказал,
Что жизнь у меня будет трудная.

На станции под Оренбургом запел
Протяжно так: «Синее море...»

Поехал перрон.
Проводник к нам подсел.

Сосед замолчал на третьем повторе.

И спрятал бутылку.
Я же достала тетрадь.
Молчит.

Ну что? Продолжай же! Пой же!

А что ты хотел:

«Поэзия – это не водку жрать.
Поэзия – это ... больше...» (*)

Ты, может, до завтра просохнешь, сосед.
Душа моя – не просыхает
от слёз.
Понимаешь, поэзия – вред,
Поэзия убивает...

А дальше – душа, что стакан, – на двоих.
Рассказ про поэта-училку.

Мерцание в окнах. Заснул проводник.

Сосед достаёт бутылку...